

АМЕРИКАНСКАЯ ГЕГЕМОНИЯ И ФАКТОРЫ СИСТЕМНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ В XXI ВЕКЕ¹

АЛЕКСЕЙ БОГДАНОВ

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Резюме

Факторы и основания гегемонии США в XXI веке, а также ее влияние на стабильность современной международной системы и перспективы эволюции последней находятся в центре внимания многих исследователей, представляя собой актуальную проблему современной теории международных отношений. При этом в современной науке распространено понимание гегемонии, с одной стороны, как материального доминирования и господства одного государства над другими, обеспечиваемого прежде всего инструментами принуждения (в отличие, скажем, от лидерства, вытекающего из потенциала убеждения и мобилизации союзников [Шаклеина 2002]), а с другой – как способности державы-лидера формулировать правила международного поведения и обеспечивать их соблюдение. Как следствие, ученые, придерживающиеся реалистских взглядов на международную политику, абсолютизируют объективные, «материальные» аспекты этого феномена, в то время как исследователи либерального и конструктивистского направлений сосредотачивают свое внимание на изучении роли «идеациональных» (ideational) факторов. Это порождает методологические противоречия и затрудняет комплексное изучение факторов стабильности и динамики современной международной системы.

Автор статьи оценивает перспективы стабильности современной международной системы с учетом как «материальных» (уровень экономического развития, военная мощь, доступ к передовым технологиям), так и «идеациональных» (лидерство, идеология, легитимность) факторов. Особое внимание уделено природе и особенностям функционирования консенсусных механизмов поддержания устойчивости гегемонистского правления (общие ценности и моральные нормы, идеология), формирующих консолидирующие идентичности, которые, в свою очередь, обеспечивают согласие второстепенных государств с существующей властной асимметрией и гарантируют стабильность всего общественного порядка. Оценивая перспективы устойчивости глобальной американской гегемонии, автор приходит к заключению, что, несмотря на значительное ослабление экономической мощи США и усиление потенциальных конкурентов, фундамент современного гегемонистского порядка выглядит относительно прочным. Нормативное доминирование США, сохраняющееся благодаря разветвленной сети глобальных и региональных институтов, позволяет смягчать ревизионистские настроения, вызванные недовольством ряда второстепенных держав их положением в международной иерархии. Кроме того, способность США обеспечивать политическую и идеологическую интеграцию развитых капиталистических стран на основе общей модели общественного развития, а также нелиберальных ценностей (рыночная экономика, демократия, права человека и т.д.), позволяет поддерживать глобальное лидерство США, не допуская появления мощных антисистемных вызовов внутри «неолиберального блока». Автор констатирует, что самым опасным вызовом современной американской гегемонии является «делегитима-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФГФ научного проекта № 13-37-01001.

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: enli82@mail.ru

ция» США как единственной державы, способной гарантировать соблюдение общепринятых норм международного поведения, а также формулировать наиболее перспективные направления социально-экономического развития.

Ключевые слова:

гегемония; США; международная система; стабильность; идеология; легитимность.

Дискуссии о факторах стабильности международных систем занимают одно из ведущих мест в исследованиях теоретиков международных отношений как в России, так и за рубежом [Богатуров, Косолапов, Хрусталеv 2002: 145-154; Vuzan, Little 2000; Braumoeller 2012]. В центре внимания ученых, в первую очередь, находится динамика изменения материальной мощи США как «мирового гегемона» и системного лидера, поддерживающего порядок в международных отношениях. С этой точки зрения упадок экономической и военной мощи США в начале XXI века, обусловленный глобальным финансово-экономическим кризисом, колоссальным государственным долгом и бюджетным дефицитом, а также возвышение держав-конкурентов (Китая, Индии, России) оказываются ключевыми условиями, влияющими на перспективы системной трансформации.

Между тем в последние годы ширится круг работ, авторы которых анализируют «идеациональные» основы как самой «американской гегемонии», так и международной системной стабильности [Beuer 2009; Clark 2009; Groom 2010]. Общее для этих исследований — акцент на таких понятиях, как «идеология» и «легитимность», с точки зрения системной динамики и перспектив лидерства США в международном порядке. Всестороннее освещение сложившейся после завершения «холодной войны» американской гегемонии, а также прогнозирование возможных направлений системной трансформации в XXI веке должен учитывать все многообразие компонентов комплексной мощи этой страны. Поскольку само понятие «гегемонии», на наш взгляд, с необходимостью содержит как материальные, так и нормативные аспекты, постольку их важно анализировать в комплексе при рассмотрении перспектив стабильности современной международной системы.

Как правило, такая система всегда подразумевает статус доминирующего государства (группы государств), обладающего доступом к ключевым источникам власти и обеспечивающего относительный международный порядок, а также способного влиять на формирование предпочтений и интересов других государств [International Relations... 2002: 137-138]. Основа подобного положения — «структурное» доминирование одной или нескольких держав, предполагающее «крайне неравномерные политические или военно-политические отношения», при которых «однополярная структура распределения материальных ресурсов дополняется однополярной структурой влияния» [Wilkinson D. 1999: 142]. Поэтому гегемония рассматривается не только как статус, но и как преобладающее влияние государства-лидера, позволяющее ему поддерживать базовые правила управления межгосударственными отношениями. Она предполагает способность доминирующего государства формулировать общепринятые «правила игры», а также следить за их исполнением, поощряя лояльные государства и наказывая «нарушителей».

Как следствие, стабильность и динамика гегемонистских систем оказываются обусловленными, с одной стороны, степенью концентрации материальных ресурсов в руках доминирующей державы и эволюцией ее экономической и военной мощи, а с другой — ее способностью обеспечивать согласие второстепенных государств с установленными нормами, а также признанием с их стороны легитимности гегемонистского лидерства. Это и побуждает рассматривать «материальные» и «нормативные» компоненты гегемонии в одном аналитическом контексте — как взаимосвязанный набор факторов, определяющих как стабильность, так и вектор развития международной системы.

1

Насколько позволяет судить исторический опыт Нового и Новейшего времени, первоочередным условием формирования гегемонии становится сосредоточение материальных активов у одного из государств. Такой субъект добивается доминирования благодаря торговой или территориальной экспансии, предоставляющей доступ к ключевым ресурсам (источникам сырья и капитала, рынкам и конкурентным преимуществам) [Keohane 2005: 32]. Подобный процесс становится возможным ввиду отсутствия механизмов централизованного распределения ресурсов в международной политике, что делает феномен неравномерного развития стран объективной характеристикой международной системы. Концентрация и деконцентрация материальных ресурсов в мировой политике, являющиеся следствием неравенства и конкуренции, неизменно сопутствуют отношениям между государствами и периодически приводят к более или менее устойчивому материальному доминированию наиболее успешного из них.

Упадок одной гегемонистской державы и возвышение другой часто рассматриваются с точки зрения регулярно повторяющихся и сменяющихся друг друга циклов мирового господства и системного управления, сопровождающихся усилением международной конкуренции, эскалацией социальных конфликтов и неизбежным возникновением новых конфигураций власти [Ариги 2005: 13]. С точки зрения «теории длинного цикла» именно процессы сосредоточения и рассредоточения материальных ресурсов (в первую очередь финансового капитала) на протяжении последних 500 лет обуславливали «появление и эволюцию власти, лидерства, а также структуры и порядка в мировой системе» [Rasler, Thompson 2005: 254].

Теория объясняет подъем и упадок гегемоний в рамках модели цикла, состоящего из следующих друг за другом фаз накопления, экспансии, стабилизации и упадка, по-

следняя из которых нередко провоцирует войны между великими державами (восходящими и теряющими статус) за право управлять системой. В свою очередь, военный конфликт приводит к появлению нового доминирующего субъекта, вышедшего победителем, либо понесшего наименьшие потери в ходе борьбы за гегемонию. Как правило, завершение «большой войны» означает окончание одного гегемонистского цикла и начало следующего².

В согласии с этой логикой, возвышение Португалии и Испании («иберийский цикл») на заре Нового времени произошло после Итальянских войн (1494-1516), «голландский цикл» имел место после испано-голландской войны (1580-1609), первый «британский цикл» начался после войн Людовика XIV, а второй – после войн эпохи Великой французской революции и Наполеона. Наконец, «американский цикл», продолжающийся до настоящего времени, стартовал после Первой и Второй мировых войн, когда резко возросшая военная мощь США позволила им успешно добиваться своих экономических целей [Kohout 2003: 54], а также формулировать правила международного поведения.

Завершение очередного цикла в прошлом приводило к тому, что доказавшая свое превосходство держава получала контроль над военными ресурсами в глобальном масштабе и над мировой торговлей, «структурируя новую глобальную политическую и экономическую систему, а также поддерживая порядок в ней» [Levy 1985: 346-347]. В условиях объективного неравенства стран и постоянной конкурентной борьбы между ними процессы концентрации материальных ресурсов и сопутствующая экспансия гегемонистского государства создают предпосылки для последующей «большой войны» между слабеющим гегемоном и его основными соперниками. Это приводит к появлению нового лидера, а также формированию предпосылок для

²Гегемоном не обязательно становится сильнейшее государство системы, так как зачастую его власть основана не на военном доминировании, а на контроле над ключевыми ресурсами и торговой экспансии [Зуйков 2012].

следующей волны накопления богатства и впоследствии борьбы за гегемонию [Modelski, Thompson 1989: 23-54].

Помимо сугубо материальных факторов, существенное влияние на динамику системы может оказать то обстоятельство, что изменение структуры распределения мощи в пользу второстепенных держав (или же просто ослабление гегемона) создает фундамент для ревизионистских настроений, распространяющихся среди менее могущественных государств по мере того, как статус лидера перестает соответствовать его истощающейся материально-ресурсной базе. Появление ревизионистских держав нередко оказывается обусловленным не только (и не столько) упадком материальной силы гегемона, сколько нарастанием неудовлетворенности этих государств своим положением в международной иерархии, ослаблением легитимности сложившегося статусного распределения и утратой ведущей державой способности осуществлять системное управление во имя общей выгоды. Такие государства склонны рассматривать существующую международную систему в качестве несправедливой и не отвечающей их интересам.

Причины неудовлетворенности могут быть разными — историческими (Германия накануне Первой и Второй мировых войн), идеологическими (СССР на протяжении всего своего существования), религиозными (современный Иран в рамках ближневосточного региона), территориальными (Израиль), а также — обусловленными личностными (Ливия и Ирак) или культурными мотивами (Китай) [Power Transitions... 2000: 9]. Как следствие, державы-ревизионисты предпринимают попытки инициировать процесс «делегитимации» доминирующего государства, вследствие чего все большее количество держав начинают демонстрировать недовольство существующим распределением власти, требовать большей выгоды для себя и оспаривать доминирующее положение гегемона. Рано или поздно это приводит к появлению нового лидера, способного обеспечить стабильность, порядок и согласие внутри системы на протяжении относитель-

но продолжительного промежутка времени. В этой связи стабильность гегемонистской системы в значительной степени зависит от того, насколько второстепенные государства удовлетворены своим местом в международной иерархии, действующими правилами и нормами международного поведения, а также сложившимся распределением силы и влияния.

Одновременно недовольство существующей системой глобального управления и преобладающими правилами международного поведения зачастую наиболее распространено среди малых, периферийных государств, считающих себя ущемленными более успешными и богатыми державами. Эти разочарованные страны могут стать источником международной нестабильности в том случае, если они заявят о своих претензиях на более справедливую долю ресурсов системы [Chan 2007: 64].

Такой ревизионизм, безусловно, может время от времени вызывать региональную напряженность, провоцировать локальные конфликты и дестабилизировать отдельные части системы, однако он вряд ли способен бросить вызов глобальному статус-кво и вызвать изменения в мировой иерархии. Тем не менее, если к лагерю ревизионистов примыкает крупная держава, обладающая значительными экономическими и военными ресурсами, положение доминирующего государства может быть оспорено.

Таким образом, важным фактором международных политических изменений является противоречие между существующим распределением мощи и сформировавшейся иерархией престижа [Gilpin 1981: 31]. Схожей точки зрения придерживается Р. Пауэлл, утверждающий, что «если распределение благ отражает распределение власти, ни одно государство не может угрожать применить силу для изменения статус-кво, и риск войны крайне невелик. Если, однако, существует значительное несоответствие между распределением власти и благ, статус-кво может оказаться под угрозой, независимо от того, каково существующее распределение власти» [Powell 1999: 199].

Ради сохранения своего положения доминирующая держава вынуждена принимать в расчет интересы и предпочтения значительной части государств. В противном случае нарастание противоречий между меняющимся не в пользу гегемона распределением материальной мощи и сложившейся иерархией статусов может привести к усилению ревизионистских настроений и дестабилизации всей международной системы. Вот почему ведущая держава, будучи заинтересованной в поддержании стабильности, зачастую принимает на себя обязательство обеспечить физическую безопасность остальным участникам системы, что отличает создаваемую ею конструкцию от анархического баланса сил, при котором каждое государство вынуждено само заботиться о своем выживании самостоятельно.

Располагая значительным силовым потенциалом и предоставляя второстепенным государствам гарантии, гегемон фактически устраняет одну из главных причин войн в условиях анархии — «дилемму безопасности», побуждающую каждое государство наращивать военный потенциал ради самосохранения, а также реагировать на аналогичные действия других субъектов. В более широком смысле *способность обеспечивать международную систему «общественными благами» (безопасность, финансовая стабильность, доступ к рынкам) — важнейшее «материальное» условие сохранения гегемонистской системы.*

Согласие второстепенных государств следовать воле доминирующей державы и играть по сформулированным ею правилам зависит от того, насколько легитимным остается существующий порядок с их точки зрения. Если существующий статус-кво выгоден ключевым участникам системы, а авторитет гегемона настолько высок, что его право осуществлять системное управление не подвергается сомнению, то порядок является легитимным и, как следствие, устойчивым. Именно поэтому, как подчеркивает Р. Гилпин, «любое доминирующее государство ... распространяет религию или идеологию, которая оправдывает его доминирование над другими государствами системы» [Gilpin 1981: 30].

Роль идеологии, таким образом, оказывается весьма существенной в плане поддержания стабильности гегемонистской системы. Стремясь минимизировать риск сопротивления со стороны менее могущественных государств, ведущая держава выработывает компромиссные механизмы укрепления существующего порядка, используя различные формы коллективной организации (коалиции, международные институты, идеологические проекты), смягчающие диспропорции в области материальных ресурсов и отчасти нивелирующие властную асимметрию. Поэтому гегемония не только характеризует отношения между доминирующей державой и второстепенными государствами в условиях силового неравенства, но и «предлагает идеологическое, консенсусное, основанное на ценностях и согласии ... понимание мирового порядка» [Joseph 2008: 111].

Динамика и стабильность гегемонистской системы, иными словами, определяется не только изменениями материальной среды, но и эволюцией нормативного ландшафта, характером восприятия существующей иерархии престижа и признанием легитимности существующего порядка. Поэтому умение ведущей державы обеспечивать согласие менее могущественных государств с существующим положением дел и поддерживать их удовлетворенность собственным статусом играет не меньшую роль, чем способность сохранять доступ к материальным ресурсам и гарантировать стабильность своего военного и экономического доминирования.

2

В современной теории международных отношений роль консенсусных механизмов поддержания гегемонистского порядка наиболее полно раскрывается в рамках «неограмшианского подхода», сторонники которого в последние десятилетия предпринимают успешные попытки переосмысления творчества и идейного наследия одного из выдающихся теоретиков-неомарксистов XX века — Антонио Грамши (1891-1937). Выдающийся итальянский мыслитель критически относился к ключевым для классическо-

го марксизма идеям «диктатуры пролетариата» и классовой борьбы, считая, что прочное общественное устройство покоится главным образом на согласии, а не на насилии и принуждении. Залог стабильности любого общественного порядка он видел в достижении социального компромисса, отражающего текущее соотношение общественных сил. При этом господствующий класс занимает доминирующее положение с согласия остальных общественных групп, вместе с которыми он формирует «исторический блок» – «сложный, противоречивый ансамбль суперструктур, отражающих всю совокупность общественных отношений производства...» [Gramsci 1971: 366].

Антонио Грамши использовал понятие «исторического блока» для описания «взаимо поддерживающих обоюдных отношений между социально-экономической базой и политико-культурными практиками (надстройкой), которые вместе составляют фундамент данного порядка...» [Hobden, Wyn Jones 2005: 237], делая акцент на роли нематериальных факторов в сохранении устойчивости той или иной системы общественных отношений. Такая система представляет собой нечто большее, чем просто политический союз элит, скрепленный общими материальными интересами и ценностями. Это объединение различных общественных интересов не только ради достижения политических и экономических целей, но и для обеспечения более широкого культурного и морального единства [Morton 2007: 118]. С точки зрения итальянского философа, «исторический блок» неизменно опирается на комплекс как материальных сил, так и институтов и идеологий, представляя собой союз различных общественных групп, организованных вокруг совокупности идей, нацеленных на укоренение гегемонии в обществе [Adamson 1980: 176].

Введенное Антонио Грамши понятие играет центральную роль с точки зрения концептуализации гегемонии, поскольку высвечивает консенсусную природу властных отношений в обществе. Социальное господство рассматривается не столько как результат применения насилия и подавле-

ния одной социальной общностью другой, сколько как торжество компромисса, основанного на осознании ключевыми общественными силами единства ценностей и интересов.

Аргументируя свою позицию, А. Грамши указывал, что в развитых странах гегемония поддерживается преимущественно путем согласия, основанного на распространении и добровольном принятии общественными группами моральных, культурных и политических ценностей, а также идеологических установок господствующей элиты [Hobden, Wyn Jones 2005: 237]. По мнению мыслителя, всякое социальное господство приобретает две ключевые формы – «доминирование», применяемое в отношении антагонистических групп (в нашем случае враждебных гегемону государств), которые должны быть подчинены путем использования насилия, и «интеллектуальное и моральное лидерство», используемое в отношении лояльных групп и членов сообщества. При этом гегемония рассматривалась им как специфическая форма политической власти, применяемая прежде всего в отношении тех общественных сил, которые находятся вблизи ее субъекта, поддерживают его лидерство и разделяют с ним общие ценности. В отношении же оппозиционных групп, выступающих против существующего лидерства, отвергающих предлагаемые ценности и идеи, используется политика доминирования, допускающая применение силы, принуждения и подавления [Thomas 2009: 163].

В мировой системе гегемон точно так же использует преимущественно косвенные механизмы идеологической интеграции, а не прямые насильственные методы, и ориентируется на создание коалиций, основанных на переговорах и компромиссе между различными группами интересов. Поскольку порядок зиждется на моральном авторитете лидера, его идеологическом влиянии, а не только на силовом доминировании, преобладающая держава оказывается способной поддерживать легитимность своего господства и гарантировать устойчивость всей системы общественных отношений.

Ключевым в данной логике организации власти представляется отсутствие навязывания со стороны гегемона приемлемых образцов поведения. Одновременно он делает все, чтобы позволить «моральным, политическим и культурным ценностям доминирующей группы получить широкое распространение во всем обществе и быть принятыми в качестве своих собственных подчиненными группами...» [Hobden, Wyn Jones 2005: 237]. В области международной политики такая стратегия способна обеспечить легитимность доминирования гегемонистской державы, минимизируя издержки, связанные с возможными рисками сопротивления со стороны государств, склонных рассматривать свое место в мировой иерархии как не соответствующее их реальным возможностям.

Антонио Грамши удалось существенно расширить и обогатить традиционное понимание гегемонии, рассматривая ее как консенсусную форму правления, а не только как доминирование в области материальных ресурсов и технологий. Кроме того, его понимание гегемонии оказалось более широким и всеобъемлющим, поскольку обращало внимание исследователей на роль негосударственных субъектов (общественные силы, классовые союзы), не концентрируясь исключительно на национальном государстве. Наконец, предложенное Грамши понятие «исторического блока» как союза политических, экономических и общественных сил/институтов, позволило рассматривать **гегемонию** как *специфическую форму политического управления, основанную на признании различными социальными группами легитимности существующего порядка.*

Во второй половине XX века предложенное Антонио Грамши понимание гегемонии оказалось востребованным теоретиками международных отношений, прежде всего представителями неомарксистской традиции [Rupert 1995; Cox 1997; Gill, Law 2004]. В частности, оно позволило канадскому ученому Р. Коксу сформулировать понятие «гегемонистского мирового порядка», представляющего собой такую структуру, в кото-

рой власть принимает преимущественно консенсусные формы, в отличие от анархического порядка, в котором присутствуют открыто соперничающие силы и нет державы, способной обеспечить легитимность своего доминирования [Cox 1986: 219].

Ученый рассматривал гегемонию как относительно стабильную структуру ценностей и пониманий природы порядка, распространенных в системе государств и негосударственных субъектов. Переноса грамшианскую логику в область международных отношений, Р. Кокс пришел к выводу, что такая система идей важна для поддержания стабильности и устойчивости мирового порядка. При этом доминирующие державы имеют возможность формировать порядок в соответствии со своими интересами не столько вследствие имеющихся у них возможностей принуждения, сколько благодаря тому, что они «сформировали широкое согласие с этим порядком даже среди тех, кому этот порядок невыгоден» [Hobden, Wyn Jones 2005: 237].

Способность убеждать и обеспечивать легитимность своего статуса является важнейшим свойством гегемонистских государств. С точки зрения Р. Кокса, гегемония предполагает «не просто доминирование с помощью санкций, наказаний или принуждения... но также включает интеллектуальное и моральное лидерство... которое рационализуется посредством идеологии, включающей компромисс между доминирующими и подчиненными группами» [Cox 1997: 387].

Неограмшианская традиция рассматривает идеи в качестве ключевых механизмов обеспечения социальных изменений, способных также влиять на внешнеполитическое поведение государств (стремление к миру, агрессивность, вступление в союзы и коалиции и т.д.). В этом смысле она сближается с конструктивистской теорией, признавая, что идеи способны создавать и видоизменять факты объективной реальности, за каждым из которых, будь то: «государство», «война», «революция» или «международный терроризм» – стоит определенная идеология. Поэтому любое изменение, независимо от того, становится оно

созидающим или разрушительным, представляет собой результат влияния прежде всего идеациональных факторов, но в дальнейшем реализуется путем воздействия на материальную действительность [Beuer 2009: 214-215].

Специфика неограмшианского подхода заключается в том, что он позволяет рассматривать любые идейные дискурсы как «инструментальные продукты гегемонистских сил», обеспечивающие распространение и повсеместное утверждение идеологии, ценности которой способствуют укреплению существующего политического порядка [Chandler 2007: 713]. Стабильность гегемонистского порядка во многом зависит от способности доминирующего государства сформулировать адекватный идеологический проект, оправдывающий силовое неравенство путем апелляции к тем благам и преимуществам, которые менее могущественные державы могут извлечь при условии сохранения статус-кво. Как следствие, *распространение норм и ценностей ведущей державы – нематериальная основа стабильности всей системы общественных отношений*. Гегемония предполагает не только возвышение «обладающей несоразмерной мощью» международной коалиции классов и сил, но и распространение «общественных, экономических и политических институтов, разделяющих идеологические убеждения, рассматриваемые в качестве универсальных...» [Puchala 2005: 576]. Ее нормативный, идеологический и консенсусный характер, таким образом, становится решающим фактором стабильности всей системы общественных отношений. Порядок поддерживается за счет согласия ключевых субъектов относительно общих правил международного поведения, наличия разделяемых ценностей, а также их приверженности признанной модели общественно-экономического развития.

Если рассуждать о возможных причинах дестабилизации гегемонистской системы, то в качестве таковых выступают процессы «делегитимации», ведущие к утрате ведущей державой авторитета, идеологического влияния и способности обеспечивать согласие

других государств с существующими нормами международного порядка. Причинами этого могут стать: недоверие части стран к существующим нормам (как это было в случае Германии, Японии и СССР в рамках Версальско-Вашингтонской системы), разочарование в господствующей идеологии (среди стран социалистического лагеря в 1980-х годах), а также рост популярности альтернативных «исторических проектов», предлагающих новые модели общественного развития (примеры марксизма в конце XIX – начале XX веков, фашизма в Европе в 1930-х годах, неолиберализма в западных капиталистических странах во второй половине XX столетия). Если делегитимация гегемона приобретает необратимый характер, идеологическое доминирование последнего разрушается, что, вкуче с упадком его материальной мощи, создает предпосылки для системной трансформации.

3

Современная американская гегемония, сформировавшаяся в границах западного капиталистического мира во второй половине XX века, соответствовала распространенным среди теоретиков международных отношений представлениям о природе гегемонистских систем. Понеся относительно небольшие материальные и человеческие потери в ходе «большой войны», США без труда добились доминирующего положения в мировой экономике, подорванной мировым конфликтом и переживавшей сильнейшую депрессию. Направив мощный поток экспорта в разрушенные бедствиями войны европейские страны, Соединенные Штаты обеспечили прочную основу для интенсивного экономического роста и бурного развития национальной промышленности.

Заняв место уходящего гегемона в международной системе, США приняли на себя ответственность за укрепление и распространение принципов экономического либерализма и свободной торговли, приступив к созданию «либерального международного порядка», ставшего фундаментом американской гегемонии. Важнейшим аспектом формирующейся системы стала

новая архитектура глобальных (ГАТТ, МВФ, МБ, ОЭСР) и региональных (НАТО, ОАГ) институтов, основанных на приверженности государств-членов общим нормам и ценностям – справедливой торговле, рыночной экономике и экономической взаимопомощи, политической демократии и коллективной безопасности.

В конце XX века завершение «холодной войны», роспуск Организации Варшавского договора, дезинтеграция СССР и уход с мировой сцены всего социалистического лагеря способствовали появлению предпосылок для дальнейшей экспансии американской гегемонистской системы. Это время стало периодом стремительного распространения неолиберальных ценностей, а также усиления влияния глобальных и региональных институтов, призванных воплотить эти ценности в жизнь. Отмеченная тенденция полностью соответствовала логике эволюции гегемонистских систем, в силу своей природы стремящихся к расширению своего геополитического и идеологического влияния, а также к нормативно-символической и институциональной экспансии, призванной обеспечить ценностное и идеологическое единообразие мира и, как следствие, его управляемость.

Утверждение в глобальном масштабе «неолиберального исторического блока» под эгидой США стало очевидным фактом международной реальности 1990-х годов и позволило избежать открытых конфликтов внутри «мирового сообщества демократий». Вовлечение стран бывшего социалистического лагеря в расширяющееся демократическое, рыночно-либеральное пространство, с этой точки зрения, не только сместило геополитическое равновесие в пользу «исторического блока» победившего в «холодной войне», но и выступило важным фактором стабильности нового мирового порядка, нуждавшегося в социально-экономической и идеологической однородности.

К началу XXI века непревзойденное материальное доминирование США приобрело характер устойчивого гегемонистского лидерства, опирающегося на широкий ас-

сортимент инструментов политического влияния на функционирование международной системы. Стало очевидным, что американская гегемония «выходит далеко за рамки управления мировой экономикой и включает формулирование правил в области международного развития, международной безопасности, миротворчества, государственного строительства, демократического транзита и прав человека...» [International Relations... 2002: 572].

Геополитическая экспансия США, обусловленная превосходством в области материальных ресурсов, сопровождалась усилением их идеологического влияния, направленное на то, чтобы представить действия гегемонистской державы в качестве стремления защитить интересы всего мирового сообщества. Именно поэтому характерной чертой идеологической репрезентации гегемонии США выступает ее «доброжелательность», объясняемая либеральным, демократическим характером американского государства, а также теми преимуществами, которые другие державы могут извлечь из сотрудничества с гегемоном [Layne 2006: 14]. При этом США стремятся действовать в рамках институционализируемого политического процесса, добровольно ограничивая свою мощь и рассматривая фундаментальные международные институты в качестве инвестиций в будущее, которые позволят поддерживать устойчивый международный порядок.

Кроме того, использование международных организаций и других многосторонних инструментов позволяет США существенно снижать «административные издержки». Как отмечает Дж. Айкенберри, «...гораздо эффективнее в долгосрочной перспективе формировать интересы и ориентации других государств, чем напрямую принуждать их к определенным действиям. Это снижает необходимость расходования значительных ресурсов доминирующим государством...» [Kenberry 2003: 131]. Как следствие, менее сильные государства предпочитают придерживаться кооперативных стратегий в отношениях с США, понимая, что сотрудничество способно принести им большую выго-

ду, нежели тактика, предполагающая противостояние и уравнивание гегемона.

Формирующийся в результате развития кооперативных связей между доминирующей державой и прочими государствами «либеральный мировой порядок» требует максимально широкого распространения идей и норм, гарантирующих его устойчивость. Принятие артикулируемых государством-гегемоном ценностей и убеждений обеспечивается в рамках процесса социализации элит других стран, предполагающего усвоение ими гегемонистской идеологии и, как результат, проведение политического курса, направленного на воспроизводство данной модели мирового порядка [Ikenberry, Kurshan 2006: 51]. По мысли пишущих в этой логике авторов, современная американская гегемония, основанная на согласии и разделяемых убеждениях, оказывает благотворное влияние на мировую политику, способствуя снижению вероятности серьезных конфликтов и предотвращая формирование ревизионистских настроений в среде как ведущих мировых держав, так и второстепенных государств.

Роль гегемонистских идей заключается в том, что они выступают в качестве источника политических изменений, содействуя тем реформам, которые способствуют утверждению либеральной демократии и институтов рыночной экономики в глобальном масштабе. В то же самое время чрезмерная ценностная детерминированность внешней политики ведущих государств гегемонистского «исторического блока», склонных оперировать такими идеологическими конструкциями, как «крестовый поход в защиту демократии», «ось зла», «империя свободы», может дестабилизировать мировой порядок, провоцируя применение насилия даже тогда, когда это лишено достаточных оснований.

Подобные действия могут привести к делегитимации гегемонистского лидерства, поскольку нарушение ведущими державами основополагающих норм международного порядка (прежде всего принципов невмешательства и национально-государственного суверенитета) неизбежно влечет за собой ослабление консенсусного фундамента ге-

момии. Как следствие, некоторые потенциально ревизионистские (в том числе «восходящие») державы начинают все громче высказывать свое недовольство существующим порядком.

В современном мире такие государства разделяются на непримиримых и «ограниченных» ревизионистов. Первые ставят своей целью разрушение основ существующего порядка, который они считают нелегитимным и невыносимым (Иран, Северная Корея). Вторые же преследуют частные цели, будучи уверенными, что порядок в основе своей остается легитимным, но их статус не соответствует их реальной мощи. *Такие державы (Россия, Китай, Индия) не стремятся к разрушению существующей мирополитической конструкции, но желают добиться признания своих прав и повысить свой престиж в рамках международной системы.* Чаще всего «ограниченные» ревизионисты не подвергают сомнению ключевые правила игры, но демонстрируют недовольство в связи с репрезентацией и применением этих правил — двойными стандартами и разного рода несправедливостями [Schweller, Pu 2011: 50].

Проблема следования общепринятым нормам и недовольство двойными стандартами связана с тем, что в условиях, когда гегемонистское лидерство дополняется моноцентричной структурой распределения материальной мощи (как это имеет место в современном мире), легитимирующие структуры (нормы, законы, международные организации) нередко оказывают существенное обратное давление на доминирующее государство. Отсюда — «общей поведенческой чертой всех этих структур является лицемерие: они провозглашают приверженность правилам или ценностям, нарушая их, преследуя собственные цели...» [Finnemore 2009: 72].

Такая ситуация вызывает резкое недовольство тех держав, которые могут прибегнуть к стратегиям сопротивления. Но, как это ни парадоксально, даже эти государства могут способствовать своими действиями укреплению легитимности существующего порядка, поскольку вынуждены следовать

существующим правилам, нормам и практикам международной политики, в процессе чего сами подвергаются социализации. Будучи связанными существующими многосторонними институтами, находящимися в центре либерального гегемонистского порядка, такие державы могут прийти к выводу (как это произошло в случае с Китаем), что поддержание ревизионистских настроений невыгодно [Schweller, Pu 2011: 51].

Спротивление КНР американскому доминированию сегодня предполагает, с одной стороны, уклонение от прямой конфронтации и приспособление к гегемонии США, а с другой – оспаривание ее легитимности и наращивание собственного политического влияния и престижа. Стратегии, используемые сегодня Китаем, Россией и другими восходящими державами, ориентированы главным образом на сдерживание и ограничение избыточных проявлений американской мощи. Большинство потенциальных конкурентов Соединенных Штатов стремятся действовать в рамках существующего международного порядка, прежде всего через многосторонние институты.

Снижение доверия международного сообщества к США как к мировому лидеру не вызвало (во всяком случае пока) кризиса принципов существующего международного порядка. Их легитимность сохраняется, даже несмотря на развитие объективных тенденций размывания национально-государственного суверенитета и нарастания гуманитарных проблем, решение которых зачастую требует «гибкого» отношения к общепринятым нормам межгосударственного взаимодействия.

Хотя с 2000-х годов наблюдается ослабление легитимности США как лидирующей державы, говорить о делегитимации всего гегемонистского порядка преждевременно. Ревизионистские настроения в современном мире реализуются преимущественно в виде стратегий, направленных на косвенный подрыв американской военной мощи, а также на ограничение внешнеполитической свободы Соединенных Штатов с помощью существующих институцио-

нальных механизмов и дипломатических рычагов. «Непримиримый» ревизионизм пока присутствует главным образом в слабо развитых странах мировой периферии. Во многих случаях он носит субнациональный характер и воплощается в виде международного терроризма и иных формах радикального протеста, направленных, скорее, против углубляющегося социально-экономического неравенства между Севером и Югом, чем против принципов сложившегося международного порядка или же места США в нем.

Постепенная утрата Соединенными Штатами способности осуществлять эффективное регулирование в международной системе, предоставлять «общественные блага» и стабилизировать порядок на фоне мирового экономического кризиса, подъема Китая и возрастания влияния Восточной Азии в мировой политике позволяют говорить о возможном приближении критической точки, прохождение которой оставит эпоху моноцентричной гегемонии США позади. Вместе с тем в условиях сохраняющегося распределения мощи любая попытка бросить прямой вызов американскому доминированию будет рассматриваться как самими США, так и многими ведущими державами в качестве угрозы сложившемуся международному порядку.

* * *

Если в случае баланса сил уравнивание представляется стратегией, направленной на стабилизацию порядка и недопущение чрезмерного усиления одного из игроков, то при асимметричной многополярности [Торкунов 1999], или точнее – полицентричности, балансирование против гегемона, равно как и процессы децентрализации в целом, представляют собой серьезную опасность для устойчивого функционирования международной системы. Поэтому всякое стремление восстановить баланс сил в современном мире неизбежно будет обретать характер структурного вызова и восприниматься не столько как попытка вернуть относительное силовое равновесие, сколько как желание нарушить сложившийся поря-

док [Schweller, Pu 2011: 47]. Как следствие, реакция на такое поведение последует не только со стороны доминирующего государства и его союзников, но также тех держав, которые извлекают существенные выгоды из существующего статус-кво и заинтересованы в его сохранении.

Демонтаж современной системы возможен только в том случае, если перераспределение глобальной материальной мощи будет сопровождаться делегитимацией гегемона — ослаблением его авторитета, политического влияния и его способности обеспечивать согласие относительно общепринятых норм международного поведения. Для этого процесс децентрализации должен происходить путем более равномерного рассредоточения ресурсов, «устранить барьеры на пути как дискурса, так и практики сопротивления гегемонистскому правлению» [Schweller, Pu 2011: 47].

Сопротивление доминирующему неолиберальному дискурсу в современном мире

представляется гораздо более сложной задачей, чем изменение структуры распределения мощи внутри международной системы. Дискурсивные структуры «либеральной гегемонии» укоренены в институтах, нормах и ценностях существующего порядка, отражающего волю и интересы наиболее могущественных держав, стоящих у его истоков и заинтересованных в его сохранении. Эти структуры складывались на протяжении многих десятилетий, социализируя все большее число стран, как развитых, так и находящихся на периферии мирового развития. Вот почему системная трансформация современной гегемонии зависит не только от усиления материальной мощи ревизионистских держав, критически настроенных по отношению к сложившемуся статус-кво, но и от их способности выступать консолидированно, как единый «исторический блок», способный предложить альтернативное видение путей развития всего мирового порядка.

Список литературы

- Арриги Дж. Динамика кризиса гегемонии // Свободная мысль—XXI. 2005. № 1. С. 4–20.
- Богатуров А., Косолапов Н., Хрусталева М. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. 377 с.
- Зуйков Р. Исторические трансформации порядка: от гегемонии и империи к миру-системе // Международные процессы. — 2012. — № 1.
- Торкунов А.В. Международные отношения после косовского кризиса // Международная жизнь. — 1999. — № 12. — С. 45–52.
- Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. М.: ИСК РАН, 2002.
- Adamson W. Hegemony and Revolution. A Study of Antonio Gramsci's Political and Cultural Theory. Los Angeles: University of California Press, 1980. 304 p.
- Beyer C. Hegemony, Equilibrium and Counterpower: a Synthetic Approach // International Relations. 2009. № 3. Pp. 411–427.
- Braumoeller B. The Great Powers and the International System. Systemic Theory in Empirical Perspective. New York: Cambridge University Press, 2012. 276 p.
- Buzan B., Little R. International Systems in World History. Remaking the Study of International Relations. New York: Oxford University Press. 2000. 472 p.
- Chan S. China, the U.S. and the Power-Transition Theory. A Critique. London, New York: Routledge. 2007. 208 p.
- Chandler D. Hollow Hegemony: Theorizing the Shift from Interest-Based to Value-Based International Policy-Making // Millennium. 2007. № 3. Pp. 703–723.
- Clark J. Bringing Hegemony Back in: the United States and International Order // International Affairs. 2009. № 1. Pp. 23–36.
- Cox R. Labor and Hegemony // International Organization. 1997. № 2. Pp. 385–424.
- Cox R. Social Forces, States and World Orders: beyond International Relations Theory // Neorealism and its Critics / R. Keohane (ed.). New York: Columbia University Press. 1986. Pp. 204–254.
- Finnemore M. Legitimacy, Hypocrisy, and the Social Structure of Unipolarity // World Politics. 2009. № 1. Pp. 58–85.
- Gill S., Law D. Global Hegemony and the Structural Power of Capital // Global Governance. Critical Concepts in Political Science / Sinclair (ed.). Vol. 1. London, New York: Routledge. 2004. Pp. 477–499.

- Gilpin R.* War and Change in World Politics. Cambridge: Cambridge University Press. 1981. 272 p.
- Gramsci A.* Selections from the Prison Notebooks. London: Lawrence and Wishart, 1971. 572 p.
- Groom A.* The International System in the Twenty-First Century // *International Studies*. 2010. № 2. Pp. 113–128.
- Joseph J.* Hegemony and the Structure–Agency Problem in International Relations: a Scientific Realist Contribution // *Review of International Studies*. 2008. № 1. Pp. 109–128.
- Hobden S., Wyn Jones R.* Marxist Theories of International Relations // *The Globalization of World Politics: an Introduction to International Relations* / J. Baylis and S. Smith (eds.). 3rd edition. New York: Oxford University Press, 2005. Pp. 142–159.
- Ikenberry J.* Liberal Hegemony and the Future of American Postwar Order // *International Order and the Future of World Politics* / T. Paul, J. Hall (eds.). Cambridge: Cambridge University Press. 2003. Pp. 123–145.
- Ikenberry J., Kupchan Ch.* Socialization and Hegemonic Power // *Liberal Order and Imperial Ambition. Essays on American Power and World Politics* / J. Ikenberry (ed.). Cambridge: Polity Press. 2006. Pp. 51–87.
- International Relations. The Key Concepts* / M. Griffiths, T. O'Callaghan (eds.). New York, London: Routledge. 2002. 399 p.
- Keohane R.* After Hegemony. Cooperation and Discord in the World Political Economy. New Jersey: Princeton University Press, 2005. 290 p.
- Kohout F.* Cyclical, Hegemonic, and Pluralistic Theories of International Relations: Some Comparative Reflections on War Causation // *International Political Science Review*. 2003. № 1. Pp. 51–66.
- Layne C.* The Unipolar Illusion Revisited: the Coming End of the United States' Unipolar Moment // *International Security*. 2006. № 2. Pp. 7–41.
- Levy J.* Theories of General War // *World Politics*. 1985. № 3. Pp. 344–374.
- Modelski G., Thompson W.* Long Cycles and Global Wars // *Handbook of War Studies* / M. Midlarsky (ed.). Boston, MA: Allen and Unwin. 1989. Pp. 23–54.
- Morton A.* Unraveling Gramsci: Hegemony and Passive Revolution in the Global Economy. London: Pluto Press. 2007. 272 p.
- Powell R.* In the Shadow of Power. Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 1999. 310 p.
- Power Transitions. Strategies for the 21st Century* / R. Tammem (ed.). Washington, D.C.: CQ Press. 2000. 244 p.
- Puchala D.* World Hegemony and the United Nations // *International Studies Review*. 2005. № 4. Pp. 571–584
- Rasler K., Thompson W.* War, Trade, and the Mediation of Systemic Leadership // *Journal of Peace Research*. 2005. № 3. Pp. 251–269.
- Rupert M.* Producing Hegemony: the Politics of Mass Production and American Global Power. Cambridge: Cambridge University Press. 1995. 565 p.
- Schweller R., Pu X.* After Unipolarity. China's Visions of International Order in an Era of U.S. Decline // *International Security*. 2011. № 1. Pp. 41–72.
- Thomas P.* The Gramscian Moment: Philosophy, Hegemony and Marxism. Leiden – Boston: Brill. 2009. 477 p.
- Wilkinson D.* Unipolarity without Hegemony // *International Studies Review*. 1999. № 2. Pp. 141–172.

AMERICAN HEGEMONY AND SYSTEMIC STABILITY*

ALEXEY BOGDANOV

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation

Abstract

The stability of the contemporary international system and the future of U.S hegemony are widely discussed by experts, scholars and researchers all over the world. However, there is significant theoretical and methodological division between two major academic traditions. The first one (mainly realist) understands “hegemony” mostly as material dominance of one or several states that control key resources and militarily

* The author would like to acknowledge the support of the Russian Foundation for Humanities in preparing this publication within the framework of a research project No 13–37–01001.

dominate the system, while the second (incorporating liberals and constructivists) views “hegemony” as the ability of the leading power to formulate and maintain the rules of international behavior and to provide obedience to these rules. Consequently, methodological uncertainty hampers the comprehensive analysis of the factors of stability and dynamics of the contemporary international system.

To avoid the aforementioned theoretical controversies, the author analyzes both “material” (economic strength, military might and access to the key technologies) and “ideational” (leadership, ideology and legitimacy) factors that determine systemic stability and change. Special attention is paid to the nature of consensual mechanisms for maintaining hegemonic rule (common values, ideologies and identities) and providing secondary states’ loyalty to the existing order and their acceptance of power asymmetry. Assessing the prospects of stability and change in the contemporary international system, the author concludes that the U.S. economic decline and the rise of new competitors have not yet fundamentally shattered the foundations of the contemporary hegemonic order. The U.S. still enjoys normative dominance based on a worldwide institutional network, that allows it to mitigate revisionist attitudes among less powerful states that are unsatisfied with their role and place in the international hierarchy. Besides, the U.S. still maintains ideological leadership inside the “Western capitalist camp”, preventing systemic challenges to its preeminence. In conclusion, the author states that the major threat to American hegemony today is its “delegitimation”, which could result in the U.S. losing its ability to transform and maintain the normative order and to provide the most attractive values and models of socio-economic development to the world.

Keywords:

hegemony; United States; international system; stability; ideology; legitimacy.

References

- Adamson W. 1980. *Hegemony and Revolution. A Study of Antonio Gramsci's Political and Cultural Theory*. Los Angeles: University of California Press. 304 p.
- Arrigi J. 2005. Dinamika krizisa gegemonii [The Dynamics of the Hegemony's Crisis]. *Svobodnaya mysl-XXI*. No. 1. Pp. 4–20.
- Beyer C. 2009. *Hegemony, Equilibrium and Counterpower: a Synthetic Approach* // *International Relations*. No. 3. Pp. 411–427.
- Bogaturov A., Kosolapov N., Khrustaleyov M. 2002. *Ocherki teorii i politicheskogo analiza mezhdunarodnykh otnosheniy* [The Essays on Theory and Political Analysis of the International Relations]. Moscow: Academic Educational Forum on International Relations. 377 p.
- Braumoeller B. 2012. *The Great Powers and the International System. Systemic Theory in Empirical Perspective*. New York: Cambridge University Press. 276 p.
- Buzan B., Little R. 2000. *International Systems in World History. Remaking the Study of International Relations*. New York: Oxford University Press. 472 p.
- Chan S. 2007. *China, the U.S. and the Power-Transition Theory. A Critique*. London, New York: Routledge. 208 p.
- Chandler D. 2007. *Hollow Hegemony: Theorizing the Shift from Interest-Based to Value-Based International Policy-Making* // *Millennium*. No. 3. Pp. 703–723.
- Clark I. 2009. *Bringing Hegemony Back in: the United States and International Order* // *International Affairs*. No. 1. Pp. 23–36.
- Cox R. 1986. *Social Forces, States and World Orders: beyond International Relations Theory* // *Neorealism and its Critics* / R. Keohane (ed.). New York: Columbia University Press. Pp. 204–254.
- Cox R. 1997. *Labor and Hegemony* // *International Organization*. No. 2. Pp. 385–424.
- Finnemore M. 2009. *Legitimacy, Hypocrisy, and the Social Structure of Unipolarity* // *World Politics*. No. 1. Pp. 58–85.
- Gill S., Law D. 2004. *Global Hegemony and the Structural Power of Capital* // *Global Governance*. Sinclair T. (ed.) 2002. *Critical Concepts in Political Science* / T. Sinclair (ed.). Vol. 1. London, New York: Routledge. Pp. 477–499.
- Gilpin R. 1981. *War and Change in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 272 p.
- Gramsci A. 1971. *Selections from the Prison Notebooks*. London: Lawrence and Wishart. 572 p.
- Griffiths M., O'Callaghan T. (eds.) 2002. *International Relations. The Key Concepts* / M. Griffiths and T. O'Callaghan (eds.). New York, London: Routledge. 399 p.
- Groom A. 2010. *The International System in the Twenty-First Century* // *International Studies*. No. 2. Pp. 113–128.

- Hobden S., Wyn Jones R. 2005. *Marxist Theories of International Relations* // The Globalization of World Politics: an Introduction to International Relations / J. Baylis, S. Smith (eds.). 3rd edition. New York: Oxford University Press. Pp. 142–159.
- Ikenberry J. 2003. *Liberal Hegemony and the Future of American Postwar Order* // International Order and the Future of World Politics / T. Paul, J. Hall (eds.). Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 123–145.
- Ikenberry J., Kupchan Ch. 2006. *Socialization and Hegemonic Power* // Liberal Order and Imperial Ambition. Essays on American Power and World Politics / J. Ikenberry (ed.). Cambridge: Polity Press. Pp. 51–87.
- Joseph J. 2008. *Hegemony and the Structure–Agency Problem in International Relations: a Scientific Realist Contribution* // Review of International Studies. No. 1. Pp. 109–128.
- Keohane R. 2005. *After Hegemony. Cooperation and Discord in the World Political Economy*. New Jersey: Princeton University Press. 290 p.
- Kohout F. 2003. *Cyclical, Hegemonic, and Pluralistic Theories of International Relations: Some Comparative Reflections on War Causation* // International Political Science Review. No. 1. Pp. 51–66.
- Layne C. 2006. *The Unipolar Illusion Revisited: the Coming End of the United States' Unipolar Moment* // International Security. No. 2. Pp. 7–41.
- Levy J. 1985. *Theories of General War* // World Politics. No. 3. Pp. 344–374.
- Modolski G., Thompson W. 1989. *Long Cycles and Global Wars* // Handbook of War Studies / M. Midlarsky (ed.). Boston, MA: Allen and Unwin. Pp. 23–54.
- Morton A. 2007. *Unraveling Gramsci: Hegemony and Passive Revolution in the Global Economy*. London: Pluto Press. 272 p.
- Powell R. 1999. *In the Shadow of Power*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 310 p.
- Puchala D. 2005. *World Hegemony and the United Nations* // International Studies Review. No. 4. Pp. 571–584.
- Rasler K., Thompson W. 2005. *War, Trade, and the Mediation of Systemic Leadership* // Journal of Peace Research. No. 3. Pp. 251–269.
- Rupert M. 1995. *Producing Hegemony: the Politics of Mass Production and American Global Power*. Cambridge: Cambridge University Press. 565 p.
- Schweller R., Pu X. 2011. *After Unipolarity. China's Visions of International Order in an Era of U.S. Decline* // International Security. No. 1. Pp. 41–72.
- Shakleina T. 2002. *Rossiya i SSHA v novom mirovom poryadke* [Russia and the USA in the New World Order. Moscow: Institute of US and Canada Studies Publ.
- Tammen R. (ed.) 2000. *Power Transitions. Strategies for the 21st Century* / R. Tammen (ed.). Washington, D.C.: CQ Press. 244 p.
- Thomas P. 2009. *The Gramscian Moment: Philosophy, Hegemony and Marxism*. Leiden – Boston: Brill. 477 p.
- Torkunov A. 1999. *Mezhdunarodnye otnosheniya posle kovovskogo krisisa* [IR After Kosovo]. *Mezhdunarodnaya zhizn*. # 12.
- Wilkinson D. 1999. *Unipolarity without Hegemony* // International Studies Review. No. 2. Pp. 141–172.
- Zujkov R. 2012. *Istoricheskie transformatsii poryadka: ot gegemonii i imperii k miru–sisteme* [Historical Transformations of the Order: from Hegemony and Empire to the World–System]. *Mezhdunarodnye Protssessy*. No. 1.